

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Оргия за тридевя́ть земель

«Научная книга»

Серова М. С.

Оргия за тридевять земель / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Ох и весело студентам-биологам на практике! Это тебе не над пробирками корпеть. Ученики преподавателя Светина мирно резвились на речке Чулымке, отмечая первый день полевых испытаний. И вдруг с противоположного берега началась пальба... по ошалевшим от ужаса ребятам. Парням чудом удалось скрыться, зацепило лишь одного. А вот преподавателю Маркову повезло куда меньше: его нашли с простреленной головой. Рядом с трупом брошено ружье охотившегося часом раньше Светина. Его сын, понимая, что отца цинично подставили, обращается за помощью к профессиональному телохранителю и детективу в одном лице Евгении Охотниковой. Тем более что список жертв растет и дети несправедливо осужденного профессора идут в нем первыми....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Оргия за тридевять земель

Глава 1

Четырнадцатого апреля мне позвонили. Прошло не так уж много времени с момента завершения последнего дела, а вот уже новый потенциальный клиент отыскан. На этот раз судьба свела меня с господином Светиным Виктором Владимировичем, который срочно нуждался в моих профессиональных услугах. Недолго думая, я собралась, привела в порядок свою внешность и отправилась выяснять детали.

Светин пригласил меня к себе домой, а квартира его располагалась где-то в Ленинском районе. Виктор Владимирович сказал, что проблема его носит сложный характер и не может быть изложена даже намеками в ходе телефонного разговора. Я поначалу усмехнулась: клиенты, как правило, любят преувеличивать важность своих проблем.

Светин обитал в ничем не примечательной девятиэтажке с кодовым замком на подъездной двери, с исписанным каракулями шпаны лифтом и прочими классическими причиндалами отечественного быта. Поднявшись на седьмой этаж, я ткнула в кнопку дверного звонка.

Мне открыл симпатичный молодой brunet интеллигентной внешности. Строгий костюм элегантно сочетался с аккуратными усиками. Надо же!

– Вы, должно быть, и есть Евгения Максимовна! – догадался молодой человек, стоящий на пороге.

– А вы, должно быть, Виктор Владимирович...

– Проходите, проходите!

Светин широким жестом пригласил следовать за ним и провел меня в просторную и светлую гостиную. Сразу бросилась в глаза пальма с широкими перистыми листьями, произрастающая в горшке у окна. Виктор Владимирович усадил меня в кресло.

– Пойду приготовлю чай, – сообщил он.

А я принялась разглядывать интерьер помещения, в котором оказалась. Меня заинтересовал тот факт, что большая часть книг на стеллаже напротив меня была посвящена медицинской тематике. Я сделала такой вывод, изучив заголовки на корешках книг. Когда вернулся Виктор Владимирович, я не преминула задать вопрос:

– Извините, вы случаем не врач?

– Так точно. Три года назад окончил ординатуру, сейчас практикую. Хирург я. Дедуктивный метод изволите применять?

Я рассмеялась.

– Нет, просто рассматриваю все эти жуткие книжки на ваших полках.

Виктор Владимирович поддержал меня ответным смехом.

– Мне кажется, мы сработаемся, – сказал он.

– Мне почему-то тоже.

Что-то мне положительно нравилось в этом человеке. Чувствовалась в нем некоторая харизма в сочетании с собранностью и умеренной дисциплинированностью, ни в коем случае не граничащей с занудством.

– Виктор Владимирович, я готова вас выслушать, – сказала я.

– Шутки в сторону? Ну что ж... – Светин нахмурился. – Эта история началась неделю назад. Чтобы вы поняли, в чем дело, я должен изложить все по порядку. Если в моем рассказе вам что-то покажется бессвязным, сразу же задавайте уточняющие вопросы.

– Конечно.

– Мой отец – старший преподаватель биологического факультета Тарасовского университета. Как раз сейчас у студентов биофака начинается весенняя полевая практика, и отец пригласил меня принять участие в одной из таких экспедиций. Вот там-то все и началось...

Светин задумчиво прихлебнул из чашки и продолжил рассказ:

– В первый день практики студенты и преподаватели, соскучившиеся по общению с живой природой, естественно, хорошенько приезд отметили. Биологи веселились. Перед этим мы с отцом славно поохотились, убили пару уток и одного зайца. Отец мой – заядлый охотник и всегда берет с собой на природу ружье. Чертовщина позже началась, ближе к вечеру, когда все собрались перед костром. Мы слушали гитару, готовили на огне дичь, ну и выпивали понемногу, конечно. А потом один из студентов заиграл песню Розенбаума про Афганистан, и мы сразу вспомнили об Игоре Сергеевиче Маркове – это один из университетских преподавателей, который принимал участие в экспедиции. Мы знали, что эта песня – его любимая, ведь он в свое время прошел Афганистан. И вот тут обнаружилось, что сам Марков куда-то пропал... – В голосе Виктора Владимировича появились жесткие нотки. – Никто поначалу не придал этому факту особого значения. Мы были немного навеселе, и наше восприятие реальности оставляло желать лучшего. Но вскоре на мобильный телефон моего отца пришло сообщение, SMS-ка. Сообщение прислал Марков, представляете? Он утверждал, что находится в опасности, но не добавлял никаких деталей. Все это напоминало чью-то глупую шутку, выглядело загадочным и зловещим. Мне лично тогда стало очень неуютно и холодно... Еще чаю, Евгения Максимовна?

– Угу.

– Мы обсудили сложившуюся ситуацию и попытались не паниковать, – продолжал Светин, наполнив мою чашку. – Сначала мы кричали во все горло, в надежде, что Марков нас услышит и отзовется. Отец мой, не веря в серьезность сообщения, даже громко советовал ему не валять дурака. Бесплезно – отклика не было. Потом мы приняли решение разбиться на группы по два-три человека и обшарить всю местность в поисках Маркова. Конечно, нельзя было упускать из виду, что Игорь Сергеевич мог жестоко пошутить. Биологи, как известно, отличаются веселым нравом, и некоторые из них шутят совершенно шокирующе. Но рисковать мы не желали. В итоге мы разделились и отправились на поиски Игоря Сергеевича.

На несколько секунд Виктор Владимирович замолчал.

– Минут двадцать мы продирались по кустам, перешагивали через канавки с раскисшей землей на дне, – уныло повествовал Виктор Владимирович. – Никакого результата. А потом меня позвали в лагерь, потому что один из студентов вернулся туда с простреленной нижней частью голени. Произошло следующее. Они с товарищем выбрали к реке – протекает в той местности такая быстрая речушка, которая даже не замерзает зимой, под названием Чалымка. Так вот, на противоположном берегу Чалымки студенты увидели каких-то людей. И они вдруг... начали в ребят стрелять. Парням чудом удалось скрыться, но одного зацепило. Меня попросили оказать первую помощь. Я обработал рану, перебинтовал ногу. Слава богу, пуля не задела кость.

Виктор Владимирович сокрушенно покачал головой.

– А потом прибежали двое других парней в компании с девчонкой. Девчонка вся тряслась от ужаса. Оказывается, их группа обнаружила труп Маркова. Он был убит выстрелом в голову. Пуля угодила прямо в левый глаз. Студенты описали то, что обнаружили, в самых кровавых подробностях.

– Да-а... – протянула я.

– Убийство произошло в удивительном месте, – возобновил рассказ Светин. – С одной стороны это место как бы огорожено лесистыми пригорками, густой такой чащей, с другой – излучиной реки. И только узенькая тропинка позволяет туда добраться. Студенты говорили, мол, что даже странно, что они не встретили преступника по дороге.

– Действительно странно.

– Но это еще не все! – изобразил предупредительный жест Светин. – Рядом с трупом было обнаружено ружье моего отца. Поэтому вызванные на место представители милиции незамедлительно арестовали, на мой взгляд, ни в чем не повинного, цинично подставленного человека. Правда, опрос свидетелей выявил наличие конфликта между отцом и Игорем Сергеевичем незадолго до трагического события. Ужасно и то, что позже, когда провели экспертизу, единственные отпечатки пальцев, обнаруженные на ружье, оказались принадлежащими моему отцу. Но ведь папа никогда никому не давал ружье. Он говорил, что несет за оружие ответственность. А убийца, похоже, действовал в перчатках. Коварно задумано!

– Вы убеждены в невинности своего отца так же, как в том, что за весной всегда последует лето, – заметила я.

– Вы правы. Я скорее поверю, что весну сменит зима, чем в то, что мой отец – убийца. Однако для работников правоохранительных органов он – так, очередной субъект, по причине определенного стечения обстоятельств подлежащий уголовной ответственности. Но я-то его знаю лучше, чем кто бы то ни было! И мне не нужны данные баллистической экспертизы, чтобы быть уверенным в чистоте его помыслов! Кстати, мы подошли к тому моменту, почему мне вдруг понадобилась помощь телохранителя.

– Я вся внимание!

– После того как мой отец был заключен под стражу, я поставил себе целью во что бы то ни стало доказать его невинность и отыскать настоящего убийцу. И на следующее же утро я решил отправиться на биофак университета: хотел выяснить что-нибудь насчет личных отношений среди преподавательского состава. Короче, покинул я квартиру... и что бы вы думали меня ждало у выхода из собственного подъезда? Кто-то пытался пырнуть меня ножом! На нападавшем была спортивная куртка с капюшоном, олимпийка. Поэтому я не разглядел его лица. Меня спасло чудо: совершенно нестати для преступника у подъезда появилась семья с первого этажа – отец, мать и дочка. Нападавший быстро-быстро убежал. А я подумал, что кто-то затеял на меня охоту. Затеем потому, что не желает допускать, чтобы всплыла правда...

– И вы решили, что от выбранного пути не отступитесь, но вам на какое-то время понадобится человек, способный позаботиться о сохранности вашей жизни, – договорила за Светина я.

– Да. Но вы не дослушали. Я повторил попытку покинуть дом пару часов спустя и – представляете, увидел того же самого человека у выхода со двора. Я, естественно, убежал, вернулся обратно. Мы поговорили с сестрой, и она сообщила, что наблюдала подобную личность неподалеку, где-то у гаражей. Неделью я носа не высовывал из дому. Я и сестру хотел заставить заперти сидеть. Да только она особа упрямая и своевольная – не послушалась. Слава богу, никто на нее за это время не нападал! Видимо, преступнику она была ни к чему. То ли не верил, что женщина что-то сделает, в смысле розыска убийцы, то ли не знал о том, что она – моя сестра, то ли что-то еще. Несколько раз сестра приносила мне известия о том, что видела моего врага в разных местах, но обязательно где-то в окрестностях нашего дома. Мы пробовали вызывать милицию, но негодяй каждый раз, когда приезжали сотрудники МВД, каким-то чудом умудрялся испариться. Неделью я не рисковал покидать родных стен. И наконец нашел выход...

– Понятно.

– Кстати, вчера моя сестра никого не видела, но я рисковать не хочу. А вы не встречали человека, внешность которого я описываю, Евгения Максимовна?

– Если и встречала, то либо не помню, либо вид вашего врага не показался мне подозрительным, иначе я обязательно бы обратила на него внимание. Глаз у меня наметанный.

– Понятно. Тогда позвольте мне продолжить.

Я кивнула.

– Я посылал сестру к отцу, – говорил Виктор Владимирович, – просил ее получить ответы на некоторые созревшие в моей голове вопросы, но бесполезно. Сыщик из сестры не ахти

какой, ничего она не разузнала. Говорит, мало времени для общения дают, а ей хочется с отцом просто по-родственному поговорить. Однако добиться освобождения отца необходимо во что бы то ни стало! Вы возьметесь за мое дело, Евгения Максимовна?

– Возьмусь, если моя задача будет сведена именно к вашей личной охране. Я ведь телохранитель, а не детектив. Но должна предупредить: беру я за работу прилично, независимо от того, легкая она или сложная.

Виктор Владимирович призадумался:

– А сколько вы берете?

Я назвала сумму.

– Да-а, дороговато... Даже не знаю, по карману ли я замахнусь...

– Но качество фирма гарантирует, – поспешила отрекламировать себя я.

Светин отошел к окну. На улице к тому времени уже стемнело. Минут пять я сосредоточенно созерцала его спину, собираясь уже предложить скидку. А Светин все выглядывал что-то за окном, заложив руки за спину. В этот момент он напоминал мне поэта, пытающегося, что называется, поймать вдохновение.

Внезапно Виктор Владимирович закричал:

– Черт, да это же Светлана!

– Светлана? – удивилась я, подумав, что Светин каким-то непостижимым образом только что вычислил убийцу.

– Моя сестра! Вон там, во дворе... К ней пристали пьяные хулиганы!

С этими словами Виктор Владимирович бросился к выходу. Недолго думая, я устремилась за ним. До конца не разобравшись, что к чему, я, обогнав Светина, прыжками преодолела все лестничные пролеты и первой оказалась на улице.

Метрах в двадцати от подъезда я узрела следующее: трое юнцов лет этак по двадцать окружили стройную девушку. До меня донеслись обрывки фраз:

– А что, может, винца хлопнем?

– Мне нужно домой! – отвечала девушка. – Мне к уроку готовиться!

– Ты что, школьница? – прозвучал другой голос, пронизанный наглыми интонациями.

– Нет, она – девочка! – сказал третий амбал. – Это как в песне поется? «Ты не девочка теперь». А-ха-ха-ха-ха!

Остальные поддержали товарища гаденьким смехом.

– Я – учительница! – жалобно пропищала девушка. – Преподаю в школе литературу...

И тут я сообразила, что для меня это шанс. Если я сейчас блестяще продемонстрирую потенциальному клиенту свою высокую квалификацию, вполне возможно, что у него отпадут последние сомнения, не слишком ли дороги мои услуги.

Я вихрем ворвалась в треугольник, образованный хулиганами. Последние растерялись так, словно увидели привидение. Да я именно так и возникла перед ними – совершенно неожиданно и потрясающе стремительно. А растерянность – самая большая глупость, которую можно допустить при любом противостоянии – как в физической схватке, так и в психологической. В следующую секунду один из троих уже падал на спину, наверняка испытывая помутнение сознания, а другой отлетал в сторону, ощутив весомый аргумент в виде моего ботинка у себя на виске. Эх, красиво же я это сделала! Реклама получилась что надо.

К сожалению, я не обладаю таким количеством ног и рук, которое некоторые авторы фантастической литературы приписывают инопланетянам. Число конечностей у меня соответствует банальному человеческому стандарту. А потому, пока я раздавала удары первым двоим незадачливым кавалерам, третий успел сообразить, что к чему. И даже попытался ударить меня кулаком. Вот только кулак его улетел в воздух, ибо я успела вовремя нагнуться. А в следующее мгновение уже выламывала кулак негодяя таким образом, чтобы любителю песен про девочек сделалось больно. Подопытный мой буквально взвыл и упал на асфальт.

Тем временем первые выведенные мною из строя дети улицы очухались, наивно предположили, что приключилось недоразумение, и кинулись на меня с новым приливом энергии. Ну что я могла им ответить? Ногой в живот – одному и растопыренными ладонями по носу – другому. После этого я секунд пятнадцать созерцала результаты созданной мной композиции. На мой взгляд, дралась я сегодня, пребывая в небывалом вдохновении. И сейчас возникающая в результате моей короткой схватки с численно превосходящим противником скульптурная группа наполняла мою душу чувством моральной удовлетворенности.

Я убедилась, что работа выполнена отлично и ожидать новых эксцессов в ближайшие полчаса никак не придется. Мальчонкам очень не по себе – все трое корчатся от боли. И я перевела взгляд на Виктора Владимировича.

– Bravo! Bravo! – воскликнул Светин. Сколько восторга излучало его лицо! – Евгения Максимовна, на деле ваши способности превзошли мои самые смелые ожидания. Я согласен на ваши условия безоговорочно. Я, право, восхищен! Bravo и еще раз bravo!

– Вы мне льстите, – улыбнулась я.

– Пойдемте, пойдемте скорее в дом!

Мы втроем – я, мой новый клиент и его сестра Светлана – направились к подъезду. Напоследок я не смогла удержаться от желания обернуться. Ребяткам все еще было плохо.

Устроившись на уютном диванчике с чашкой чая в руках, постепенно остывая от недавних уличных хлопот, я смогла повнимательней разглядеть сестру Виктора Владимировича. В отличие от брата, Светлана была природной блондинкой. Но на этом различия заканчивались. Лица у брата и сестры были похожи, словно две капли воды. Разве что у Светланы чуть четче была выражена этакая аристократическая черточка. На всякий случай я задала вопрос:

– Вы живете вдвоем?

– Раньше с нами жил отец, – грустно молвила Светлана. – Теперь он арестован, вы уже в курсе. Но наш отец – хороший человек, он не способен убить человека, – поспешила заверить сестра Светина.

– Евгения Максимовна, я хотел бы заключить с вами контракт прямо сейчас, – заявил Виктор Владимирович.

– Именно на это я и надеялась, когда ехала сюда, – ответила я и открыла свою папочку с необходимыми бумагами.

Дело было сделано в течение нескольких минут. Для начала господин Светин заключил со мной контракт на неделю. За это время он рассчитывал разобраться со своими проблемами.

– Если что, дальше видно будет, – сказал Виктор Владимирович.

Я позвонила тетушке, сообщила, что домой не приеду, так как намерена на недельку переселиться к новому клиенту.

Весь вечер мы провели за светской беседой. Светлана рассказывала о своей работе в школе, о том, как нелегко ей порой приходится с непоседливыми детишками, но как прекрасно бывает потом, когда все-таки удается найти с ними общий язык. Светин как будто специально прилагал усилия, чтобы разговор не зашел в область семейных проблем. Позже, когда Светлана отправилась спать, мои предположения подтвердились.

– Не хочу ее лишней раз расстраивать, – сказал Виктор Владимирович. – Она и без того каждый день вся на нервах, как с работы вернется – долго не может успокоиться. А тут еще шпана эта уличная... Я вот что вам хотел сказать, Евгения Максимовна. Я завтра на биофак ТГУ отправиться собираюсь. Пообщаться с преподавательским составом. Хочу расспросить, в каких отношениях с Марковым мой отец состоял в действительности. И что это за такой конфликт был, из-за которого милиционеры лишней раз уверились в виновности моего отца. Я слышал, конференция там должна была быть какая-то, а что за конференция, честно говоря, не представляю себе... Хотелось бы отправиться на биофак утром. У отца что-либо спрашивать бесполезно, тем более завтра в СИЗО неприятный день.

– Это правильно, – кивнула я. – Кто рано встает, тому бог дает...
На том мы и порешили.

* * *

Пятнадцатого апреля в восемь утра мы вышли из подъезда и к девяти уже находились во двореке университета. Нам не составило особого труда отыскать пятый корпус, в здании которого располагался биологический факультет. Мы неспешно миновали большое двукрылое крыльцо с множеством стоящих и сидящих на ступеньках студентов, беззаботно курящих, смеющихся и обсуждающих свои личные дела. Создавалось впечатление, что гранит науки не волновал будущую интеллигенцию ни в коей степени.

Мы прошли в здание.

Фигуры из гипса на стене напротив нас изображали эволюционное развитие органического мира.

– Насколько я знаю, деканат расположен на втором этаже, – сообщил Светин, уверенно направляясь к лестнице.

Вскоре мы оказались у дверей деканата. Бросился в глаза распечатанный на принтере лист формата А-4, пришпиленный булавкой к обитому черным бархатом стенду с расписанием и факультетскими объявлениями. «Товарищи! – гласила надпись на листе. – Вступайте в партию алкоголиков биофака!» Электронный адрес, и далее еще что-то мелким шрифтом.

«Очередная проказа студентов, – подумала я, – которую еще не успели заметить, а иначе наверняка бы сняли».

Виктор Владимирович осторожно постучал в дверь деканата, выждал секунду-другую, повернул ручку, открыл дверь и вошел. На нас обратила взор секретарша – крашенная шатенка средних лет.

– Здравствуйте, – сказал Виктор Владимирович. – Я – сын одного из ваших преподавателей – Светина Владимира Николаевича. Вы, наверное, слышали о том, что произошло...

Секретарша смутилась.

– Насколько мне известно, Владимира Николаевича задержали по подозрению в убийстве Игоря Сергеевича Маркова, – робко сказала она.

– Да. Но я уверен в том, что отец мой невиновен, и намерен это доказать. Кого я мог бы расспросить об отношениях моего отца и убитого, об их взаимоотношениях с остальными преподавателями?

Секретарша сразу начала откровенно занудствовать:

– Ой, сейчас все заняты, на лекциях, декан и замдекана заняты подавно...

М-дела, они такие, работники бюрократического фронта! Сами из себя ничего не представляют, а так и стараются продемонстрировать свою мнимую значимость.

– Может, все-таки у кого-то сейчас окно? – предположил Виктор Владимирович. – Вдруг человек как раз скучает и будет рад побеседовать с нами?

Секретарша метнула на нас ядовитый взгляд.

– Я посмотрю, – сказала она, поджав губки, и принялась рыться в ящике стола, изображая чрезвычайно занятого человека, которого оторвали от работы мировой важности, и теперь она вынуждена выполнять сложную процедуру поиска расписания преподавателей. Хотя я была уверена в том, что до нашего прихода секретарша, мягко говоря, вола пинала.

В этот момент дверь отворилась, и в деканат вошел благообразный мужчина лет пятидесяти. Чуть полноватый, невысокого роста, в очках.

– Эх-х, – протянул он. – Такая скука – все проростки обработали, раньше чем через два часа на них даже смотреть не стоит. И студентов у меня сейчас нет. Окно, окно!

– Извините, – сказал Светин, обращаясь к вошедшему, – а у вас не найдется десяти минут для разговора со мной?

Секретарша прекратила копаться в столе.

– Найдется, – ответил преподаватель. – Я вас слушаю.

Виктор Владимирович изложил суть дела.

– Пройдемте ко мне в кабинет, – предложил преподаватель. – Там мы можем побеседовать в спокойной обстановке. Кстати, меня зовут Степан Олегович.

Мы назвали свои имена, после чего вслед за Степаном Олеговичем покинули деканат.

Владения Степана Олеговича располагались в подвале, где, как и положено в местах подобного рода, пахло сыростью и плесенью. Степан Олегович провел нас в лабораторию, столы и полки в которой были сплошь заставлены пробирками, баночками с реактивами, автоклавами и всевозможными измерительными приборами. Предложил стулья, обитые кожей, местами вытертой и отходящей.

– Так что конкретно вы хотели бы узнать? – спросил Степан Олегович.

– Мне интересно, в каких отношениях мой отец состоял с убитым, – задал вопрос Светин.

– В общем-то, весь биофак – дружная семья, – сказал Степан Олегович. – Бывают, конечно, и ссоры, встречаются и личности, вызывающие всеобщую антипатию, но это скорее исключение из правила, нежели само правило. И Игорь Сергеевич с Владимиром Николаевичем поддерживали дружественные отношения. Однако незадолго до известных трагических событий они поругались.

– Вот об этом я и хотел бы услышать поподробнее.

– Должна была состояться конференция в Доме журналистов, посвященная экологии и охране окружающей среды.

– Да, я слышал об этом, но толком ничего не знаю.

– Марков и Светин подготовили доклады. Ходят слухи, что темы совпали, и, по большому счету, выступать имело смысл лишь кому-то одному – или Маркову, или Владимиру Николаевичу. Вот из-за этого они и поругались. Ни один не хотел уступать другому. Там уже выходило как повезет, кого поставят в списке выступающих первым. А списки к тому моменту еще составлены не были.

Степан Олегович почесал затылок.

– Дело в том, – задумчиво произнес он, – что тема докладов обещала быть довольно щекотливой, и в случае удачного выступления докладчику открывались восхитительные перспективы на будущее, вплоть до членства в РАН.

– А что за тема?

Степан Олегович развел руками:

– А этого никто не знает. И Владимир Николаевич, и Игорь Сергеевич проводили свои личные, независимые исследования и информацию о своей работе держали в строжайшем секрете. Хотели нас удивить. Результаты должны были быть оглашены на конференции, и доклад якобы обещал вылиться в маленькую сенсацию.

– Любопытно, – заметила я.

Степан Олегович махнул рукой:

– Ах, не думайте, что это было какое-то открытие века, вроде эликсира бессмертия или ответа на вопросы, вроде «есть ли жизнь на Марсе» и «существует ли лох-несское чудовище»! Нет, просто было проведено какое-то небольшое научное исследование, смысл которого будет понят в ученом мире, но которое никак не может претендовать на то, чтобы им хоть в какой-то мере заинтересовался обыватель. Скорее всего, что-нибудь частное, скажем, рассмотрение экологической ситуации в каком-то районе города, или что-то вроде того.

– Понятно. А как вообще на биофаке относились к моему отцу и к покойному Игорю Сергеевичу? Чем именно, кстати, этот человек занимался?

– Давайте по порядку. Отец ваш считается одним из лучших в Тарасовской области специалистом по бентосным организмам, вы это знаете. Соответственно, и в университете, и в академических кругах к нему относятся с должным почтением. Марков же изучал планктонные формы беспозвоночных. Тоже пользовался авторитетом и, надо сказать, вполне заслуженным. Так что... Короче, загадочная история...

Слушая, как Светин пытается получить нужную информацию, я внутренне усмехнулась. Задать столько вопросов и не спросить самого главного, о чем в первую очередь спросит и следователь из милиции, и частный сыщик... Я, конечно, не винила Светина. Как-никак, раньше заниматься частным сыском ему не доводилось, и слава богу. Но у меня-то имелся кое-какой опыт, и я не преминула его продемонстрировать:

– А были у Маркова в университете враги? – спросила я.

– Нет. Хотя... Да, были. Я могу вам кое-что рассказать, но при условии, что вы не выдадите, что эти сведения вам предоставил я.

– Я обещаю.

Светин кивнул, и Степан Олегович продолжил:

– Ладно. Некий... Впрочем, не буду называть имени того человека, не хочу выносить сор из избы. Вы, если вам необходимо, можете и студентов расспросить... Короче, назовем этого преподавателя «икс». В общем, чем-то он очень не нравился Маркову, и между ними постоянно выходили конфликты. Дело в том, что преподаватель «икс» известен как заядлый взяточник. Однако взятки он берет очень искусно, никто его поймать пока не смог. А еще «икс» – страшный бабник, то и дело заглядывается на девчонок-студенток, ни одну не пропустит, не отвесив сомнительный комплимент. Ходят даже слухи, что этот преподаватель порой выставляет оценки уже не за деньги, а за конкретные интимные услуги. У него, говорят, даже собственные расценки есть. Кстати, незадолго до убийства «икс» и Марков поссорились.

– Поссорились?

– Да. Знаете ли, Игорь Сергеевич был известен всему биофаку как человек комсомольской закалки. Бывший партиец, он отличался, э-э-э... нестандартной по нынешним временам принципиальностью. За это его и студенты, как огня, боялись. Скольких разгильдяев отчислили оттого, что они к Маркову на экзамен без достаточного количества знаний явились! Ну да я отвлекся... Дело в том, что Игорь Сергеевич смириться с поведением преподавателя-взяточника не мог. Вот он и хотел вынести обсуждение его личности на ученый совет факультета, с той целью, чтобы горе-преподавателя попросили покинуть университет. Конечно, вряд ли у него что-нибудь получилось бы... Но насолить таким образом «иксу» Игорь Сергеевич мог изрядно. Но чтобы это явилось причиной для убийства... Нет, не думаю.

– Я вижу, Игорь Сергеевич, несмотря на авторитет и уважение, слыл конфликтным человеком, – заметила я.

– В общем-то, да.

– Были у него еще враги, помимо пресловутого «икс»?

– Кажется, нет.

– А у Владимира Николаевича?

– Владимир Николаевич – человек исключительной мягкости. По-моему, врагов у него не может быть в принципе.

– А этот преподаватель «икс» ездил на практику?

Степан Олегович нахмурился:

– Если бы он ездил, я все равно бы вам не сказал, как не сказал. Но он не ездил, я точно знаю. К зоологии специальность этого человека не имеет никакого отношения.

– А много у вас тут всяких специальностей?

Степан Олегович усмехнулся:

– Много, поверьте мне, много. Только, пожалуйста, не выдавайте меня, не говорите никому, что это я поведал вам о преподавателе, которого обозначил как «икс». Меня просто не поймут. Все, что я вам сказал, я открыл на всякий случай. Подумал, вдруг без этих данных так и останется за решеткой ни в чем не повинный человек. А в том, что ваш отец не способен на убийство, – Степан Олегович посмотрел на Светина, – я не сомневаюсь. Я могу рассчитывать на сохранение анонимности?

– Конечно, можете, – ответила я.

– Не беспокойтесь, – поддержал Виктор Владимирович.

Я повернулась к своему клиенту:

– Будете еще задавать вопросы?

Светин немного помедлил, а потом покачал головой:

– Пожалуй, нет. Надо вернуться домой, хорошенько обдумать, что к чему, и наметить дальнейший ход расследования.

Виктор Владимирович поднялся со стула и протянул преподавателю, с которым мы беседовали, руку.

– Спасибо за все, Степан Олегович.

– Не за что. Честно говоря, мне все равно нечем было себя занять. Так хоть с вами пообщался.

– До свидания.

Мы попрощались со Степаном Олеговичем, а когда поднялись из подвала наверх, на первый этаж, услышали пронзительный звонок на перемену. К тому моменту, когда мы оказались у выхода из корпуса, сквозь двери было не протиснуться. Студенты ломились на улицу. Кто поесть, кто покурить, кто попить пива, а кто просто предаться беззаботному трепу.

Глава 2

Новое неприятное происшествие приключилось недалеко от дома Светина. Чтобы пройти во двор моего клиента, нужно миновать ряды гаражей, а иначе придется совершать, может, не столь большой, но чрезвычайно досадный крюк. Вот тут-то нас и подстерегала опасность.

Когда до окончания рядов гаражей оставалась какая-нибудь пара-тройка метров, навстречу нам неожиданно выскочил человек, лицо которого нельзя было разглядеть за маской. Только холодный блеск глаз в прорезях черной ткани. Облаченная в кожаную перчатку рука что-то сжимала. Раздался щелчок, и я увидела заостренное с обеих сторон лезвие выкидного ножа. В тот же миг я с силой отшвырнула своего клиента в сторону.

Теперь я разглядела одежду нападавшего – он был одет в спортивный костюм, как и в тот раз, о котором рассказывал Светин. Только теперь вместо капюшона была маска. Я решила не вынимать пистолет, потому что была уверена, что справлюсь и так, тем более что тип этот еще очень даже мог пригодиться. Я намеревалась обезвредить негодяя и устроить ему допрос.

Нападающий широко расставил ноги и медленно, шаг за шагом, приближался ко мне. Когда расстояние между нами сократилось до метра, человек в маске выбросил руку с ножом вперед. Я увернулась.

Маска в том месте, под которым у негодяя должны были быть губы, образовала небольшую складочку. Я услышала короткий смешок, больше похожий на хриплое карканье. В ту же секунду последовал еще один выпад. На этот раз я нагнулась, и нож противника разрезал воздух над моей головой. Потом я сознательно упала на спину, сразу уперевшись локтями в асфальт, и резко распрямила ноги. От моего удара нападавший отлетел в сторону, но тут же поднялся и бросился на меня с новым приливом энергии.

Прием я провела на славу. Нападавший вскрикнул, и нож со звоном ударился об асфальт. Ликуя, я попробовала добить негодяя ударом правой в челюсть, но тут мне помешал Виктор Владимирович. Совершенно некстати он попробовал вступить в бой. Некоторое время он, видимо, размышлял, как помочь мне в сложившейся ситуации, и наконец придумал. Я бы предпочла, чтобы он оставался на месте! Ведь если бы не Светин, я задержала бы преступника, уверенность в этом у меня была стопроцентная.

Так вот, Виктор Владимирович, раскопав невесть где кусок белого кирпича, обогнул меня и своего потенциального убийцу, дабы обрушить кирпич на голову последнего. В итоге человек в маске засек появление за спиной Светина как раз в тот момент, когда я заносила кулак. Оглянувшись, он, по всей вероятности, сообразил, что ничего хорошего ему ждать не следует, и со всех ног бросился наутек.

Я бросилась в погоню, но негодяй ловко свернул за один из гаражей. Я вернулась к Виктору Владимировичу, дабы не оставлять его одного и не подвергать новой опасности.

Я подобрала с асфальта нож, предварительно обернув рукоятку рукавом, дабы не оставлять на ней своих отпечатков и ничего не стереть. Маловероятно, но вдруг на ноже что-нибудь да сохранилось? Нечего его пачкать. Нужно использовать каждый шанс. После этой процедуры я взяла клиента за руку.

– Пойдемте скорее! – сказала я. – Дома разберемся, что к чему!

* * *

Настроение у Светина после данного инцидента резко испортилось. В глазах клиента, несмотря на все его попытки скрыть свое состояние, я смогла прочесть страх.

– Значит, охота на меня продолжается, – задумчиво произнес Виктор Владимирович. – Знать бы вот, кому это нужно...

– Полагаю, тому, кто не желает, чтобы вы выяснили правду об убийстве Игоря Сергевича Маркова, – сказала я.

– Да уж... Как вы думаете, Евгения Максимовна, в какую сторону нам теперь податься?

– Неплохо бы пообщаться со студентами, повывяснить насчет этого преподавателя «икс», который увлекается взятками и молодыми студентками, – предложила я.

– А мне кажется, куда перспективнее раздобыть побольше информации о конференции, на которой должен был выступить мой отец.

– Вы можете спросить у него.

– Могу, но я хочу начать прояснение ситуации прямо сегодня, а в СИЗО, как я уже говорил, этот день – неприятный. А потому я думаю вот что...

– Я вся внимание, готова следовать за вами, куда прикажете, и попутно оказывать посильную помощь.

Светин кивнул:

– Так вот, как сказал Степан Олегович, на биофаке о теме докладов никто не знает: ни мой отец, ни Марков тайны никому не открывали. Но что, если мы отправимся за информацией напрямую в Дом журналистов?

– Хорошая мысль.

– А как, по-вашему, Евгения Максимовна, нам лучше себя повести, чтобы в Доме журналистов согласились ответить на наши вопросы?

– Я думаю, следует прикинуться именно журналистами. Сотрудниками какой-нибудь мелкой газеты из другой области, скажем, Пензенской. Немного поблефовать, что, мол, мы слышали о сенсационном докладе, с которым должны были выступить такие-то люди и который сорвался. Если в Доме журналистов не будут молчать как рыбы, если мы не наткнемся на глухую стену секретности, у нас все получится. А вы не знаете, когда точно должна была состояться конференция?

– Десятого апреля, в понедельник.

– Прекрасно, эта информация нам еще пригодится.

– А если у нас потребуют журналистские удостоверения?

– А вот на такие случаи жизни у меня дома имеется все необходимое! Доверьтесь мне, Виктор Владимирович! С подобными случаями я сталкивалась в своей практике не раз и имею опыт выхода из ситуаций, аналогичных той, в которой мы сейчас оказались. От вас понадобится лишь фотография такого формата, какие используются для паспортов, и немного театрального таланта. У вас есть фотография?

– Найдется.

– А талант?

Светин улыбнулся.

– И талант найдется, – повторил он свой ответ.

– В таком случае собираемся и едем ко мне, – заключила я.

* * *

Тетушка, как всегда в это время, готовила. На сей раз она занялась пельменями. Вы пробовали когда-нибудь пельмени моей тетушки Милы? Нет? Много потеряли! Ее пельмени – совсем не то, что вы можете купить в магазине, и даже не то, что вам случалось отведать у многих хозяек. Это, что называется, пальчики оближешь!

Тетушка к нашему приходу как раз успела сварить первую партию пельменей. А потому, прежде чем заняться делами, мы уселись за стол. К пельменям тетушка подала сметану, и,

мне кажется, моему клиенту быстро удалось расслабиться настолько, что он позабыл обо всех своих проблемах. А проблемы-то эти, прошу заметить, были нешуточные, я сама убедилась.

Затем я проводила Светина в свою комнату. Там отыскала несколько бланков удостоверений корреспондента мифической газеты «Пензенская интеллигенция» и соответствующую печать. На один из бланков уже была наклеена моя фотография. Однако дата на удостоверении стояла прошлогодняя, и потому я переклеила фотографию на новый бланк, поставила печать, лично вписала вымышленные фамилию-имя-отчество, проставила год и завершила «произведение искусства» загадочной росписью. Полюбовавшись содеянным, я принялась изготавливать удостоверение для Виктора Владимировича. Естественно, фамилия-имя-отчество снова оказались вымышленными. Потом я попросила Светина выйти и побеседовать с тетушкой, так как сама собиралась переодеться.

Я порылась в своем гардеробе и отыскала одежду, способную скрыть кобуру с пистолетом и вместе с тем не противоречащую имиджу журналистки. Я выбрала строгий пиджак с длинными полами и серые брюки. На всякий случай захватила и запасные номера для машины, поскольку намеревалась посоветовать Виктору Владимировичу заменить номера на его авто на время. Вскоре я могла сказать, что нахожусь в состоянии полной боевой готовности, и вернулась в гостиную.

– Эту рыбу я тушила в духовке два... – тетушка показала Светину два пальца, словно хиппи, – два часа!

Сам Виктор Владимирович только кивал и за обе щеки уплетал тушеную рыбу с капустой, морковью, свеклой и луком.

– Потрясающе! – восклицал он. – У-у, как вкусно!

– А потом такая рыба обязательно должна настояться, – заключила тетушка. – Иначе эффект будет совсем не тот.

– Я готова, Виктор Владимирович, – улыбаясь, сообщила я.

– Погодите совсем немного, Евгения Максимовна! – с набитым ртом произнес Светин. – Я никак не могу обидеть вашу милую тетушку, не доев до конца эту тушеную два часа, а потом так замечательно настоящую рыбу!

Наконец Виктор Владимирович окончил трапезу. Перед тем как уйти, он долго отвешивал тетушке похвалы, выражал безумное восхищение. Я думала, он не найдет в себе силы вернуться в обыденную реальность никогда. Вот как вкусно готовит моя тетушка!

* * *

В три часа дня мы приблизились к зданию Дома журналистов. Я все-таки убедила Виктора Владимировича, что номера машины стоит на время заменить. Мало ли кому в ходе расследования вздумается нас преследовать? Ни к чему этому «кому-то» знать, кому машина принадлежит на самом деле.

– Что я должен говорить? – разволновался Светин, идя к входу в Дом журналистов.

Я его успокоила:

– Говорить буду я, вы должны только мне поддакивать. Постарайтесь выглядеть как можно более официально. Справитесь?

– Уж как-нибудь...

Вот так болтая, мы очутились на крыльце здания, построенного еще в девятнадцатом веке, перед большой застекленной дверью. Я потянула дверь на себя. Надо заметить, она оказалась тяжелой. Переживавший по поводу того, удастся ли нам повернуть задуманную операцию, Виктор Владимирович, спохватился, и сам дернул за ручку, дабы пропустить меня вперед.

Мы оказались лицом к лицу перед вахтером.

– Вы к кому? – спросила строгая, но вместе с тем безобидная на вид бабулька за столом перед «вертушкой».

Я вынула удостоверение, краем глаза отметив, что Светин делает то же самое.

– Мы журналисты из Пензы. Нам требуется материал по поводу конференции, посвященной проблемам экологии и охране окружающей среды, состоявшейся десятого апреля. К кому можно обратиться?

Вахтерша смутилась.

– Да, что-то такое у нас, кажется, было. Я попробую созвониться с Алексеем Григорьевичем, он – главный редактор «Тарасовского вестника». Кажется, он что-то такое возглавлял...

Мы застыли в ожидании, пока вахтерша свяжется с Алексеем Григорьевичем по телефону.

– Алло? Алексей Григорьевич? Тут какие-то журналисты из Пензы. По поводу конференции десятого апреля. Экология, охрана среды...

В трубке послышалось невнятное бормотание. Потом вахтерша повернулась к нам.

– Какая газета? – зашептала она.

– «Пензенская интеллигенция», – ответила я.

– «Пензенская интеллигенция», – сказала старушка в трубку... – Да... Да... Хорошо.

Старушка повесила трубку и вновь обратилась к нам:

– Алексей Григорьевич вас примет. Четыреста первый кабинет. Лифт там.

Мы миновали «вертушку», вызвали лифт. Пару минут спустя мы петляли по извилистым коридорам старинного здания в поисках четырехста первого кабинета.

Наконец кабинет отыскался. Табличка на двери гласила: «„Тарасовский вестник“. Главный редактор Дмитриев Алексей Григорьевич». Я постучала, дождалась, когда из глубины кабинета донесется «Да!», после чего вошла. Следом за мной юркнул Светин.

Алексей Григорьевич оказался худосочным лысеющим человеком лет сорока. На носу у него сидели круглые очки, а черты лица он имел мелкие.

– Присаживайтесь, – кивнул Дмитриев.

Мы послушно уселись в предназначенные для гостей кресла.

– Мы – журналисты из Пензы... – начала было я, но Алексей Григорьевич меня прервал.

– Был я в Пензе, – задумчиво сказал он, – общался с редакторами и журналистами многих газет, но вот «Пензенскую интеллигенцию» что-то не припомню...

Я сосредоточилась, попыталась поймать вдохновение, широко улыбнулась и заговорила, стараясь одним духом выпалить всю речь, которую импровизировала тут же:

– «Пензенская интеллигенция» – молодая газета, ей меньше трех лет, но даже за это короткое время мы сумели обрести весьма широкий круг читателей, главным образом – из рядов пензенской интеллигенции, для которой, собственно говоря, и создавалась газета.

Алексей Григорьевич удивленно вскинул брови, а я продолжила:

– Газета «Пензенская интеллигенция» освещает самые различные проблемы, берет во внимание всевозможные моменты научной, культурной, политической жизни общества...

Алексей Григорьевич замахал рукой:

– Ладно, ладно! Единственный момент. Мне необходимо посмотреть ваши журналистские удостоверения. Не обижайтесь, но это моя обязанность. Доверяй, но проверяй, как говорится.

Мы с Виктором Владимировичем охотно продемонстрировали главному редактору «Тарасовского вестника» изготовленные пару часов назад «корочки». Алексей Григорьевич повертел сии произведения искусства в руках, хмыкнул и вернул нам.

– Ну-ну, – покачал головой он. – Я вас слушаю. О чем вы хотели расспросить?

Словно вахтерша не сообщила ему, что мы хотели спросить!

– Нас интересуют материалы конференции, посвященной проблемам экологии и охране окружающей среды, состоявшейся десятого апреля, – сказала я. – Понимаете, пензенская интеллигенция чрезвычайно озабочена нынешним положением экологии в стране, чистотой воды в Волге-матушке, положением в соседней Тарасовской области. С момента проведения конференции в Тарасове миновало более недели, а читатели, озабоченные данной проблемой, буквально завалили нас письмами – обычными и электронными. И это совершенно справедливо, ведь варварское отношение современного человека к природе ставит под угрозу само существование рода людского. Оглянитесь вокруг! Стремительно приближаются к той грани, за которой стоит вымирание, многие виды животных и растений. Воздух, земля и вода превратились в смертельные яды благодаря нерациональному использованию радиоактивных отходов...

Дмитриев махнул рукой.

– Все-все! Достаточно! Я прекрасно осведомлен насчет глобальных проблем человечества. Давайте приступим к делу. Я вас слушаю.

– Давайте. Меня интересует план конференции, зачитанные там материалы.

Алексей Григорьевич глубоко вздохнул:

– Доставайте свои блокноты, диктофоны или что у вас там.

Я охотно вынула из внутреннего кармана пиджака записную книжку, ручку и состроила сосредоточенную гримасу, приготовившись записывать. Виктор Владимирович последовал моему примеру, и я подумала, что из него и вправду мог бы получиться не такой уж и плохой актер.

– Вы прекрасно понимаете, насколько актуальна тема, которой была посвящена конференция, – начал Алексей Григорьевич монотонным голосом, тем самым, что способен загипнотизировать, ввести в состояние, аналогичное зимней спячке, кого угодно. – В связи с этим были зачитаны доклады различных выдающихся ученых нашего города из самых разных областей науки. То, что в конференции участвовали экологи, ясно само собой. Кроме того, выступали химики, биофизики, биологи различных направлений, инженеры и даже математики... Всех не перечислишь.

Я изо всех сил старалась делать вид, что записываю каждое слово Дмитриева. Светин от меня не отставал – тоже что-то строчил в своем блокноте.

– Конференцию открыл академик, профессор, доктор биологических наук Семькин Дмитрий Арсеньевич. Доклад его назывался «Негативные изменения результативности сельскохозяйственных мероприятий в связи с дестабилизацией экологической ситуации в Тарасовской области за последние двадцать лет».

Говорил Алексей Григорьевич долго и нудно. Тщательно и подробно излагал все нюансы представленных вниманию членов конференции докладов. К чему ему понадобилась такая обстоятельность, я не знаю. Это не была речь человека, севшего на любимого конька, спешащего поделиться с людьми тем, что волнует его душу. В рассказе Дмитриева не было ничего живого. Похоже, Алексей Григорьевич сам не рад был лишним раз вспоминать о скучных тезисах, выдвинутых учеными, понятными лишь узкой группе специалистов. Но по-другому главный редактор, видимо, не мог, где-то приучился исполнять свои обязанности с дотошной точностью, в соответствии с правилами. Наконец он дошел до интересующего нас момента:

– Далее по плану следовал доклад Игоря Сергеевича Маркова, но он не состоялся в связи с трагической смертью последнего...

Алексей Григорьевич намеревался пойти дальше и продолжить заунывное перечисление состоявшихся докладов, но я его остановила:

– А вот этот момент нас особо интересует. Ведь говорят, что именно из-за своего доклада Игорь Сергеевич и погиб...

– Неужели в Пензе и такие слухи ходят?! – изумился Дмитриев.

– Ходят, еще как ходят! – горячо продолжала я. – А еще ходят слухи, что некто Владимир Николаевич Светин должен был прочесть доклад на ту же тему, что и Марков, но сел в тюрьму по обвинению в убийстве того же Маркова...

В глазах Алексея Григорьевича впервые за время нашей беседы вспыхнул огонек.

– Это вообще странная история! – увлеченно поведал он. – О том, что доклады имеют общую тему, нам стало известно за несколько дней до конференции. Марков и Светин явились к нам лично и объяснили, что к чему. Просили разрешить ситуацию. Похоже, оба они были в бешенстве, очень обозлены друг на друга. Мирно им договориться не удалось, пришлось тянуть жребий. Повезло Маркову.

Внезапно Дмитриев притих. Похоже, осознал, что ведет себя как баба, лузгающая семечки на завалинке и травящая своим подружкам-сплетницам небылицы про всех проходящих мимо людей. Алексей Григорьевич пристально поглядел на нас.

– Слушайте, – медленно проговорил он. – А вы случайно не из какой-нибудь бульварной газетенки пришли, чтобы сенсацию подчерпнуть?

– Что вы! – воскликнула я. – «Пензенская интеллигенция» – известнейшая в нашем городе газета! Мы даже сотрудничаем с местным Союзом писателей, публикуем на наших страницах очерки и новеллы молодых авторов. Молодых, но обещающих когда-нибудь в будущем стать настоящими мастерами пера. Если вы не верите...

– Ладно, ладно. Не хочу с вами пререкаться. Так что конкретно вас интересует? Я не знаю, кто убил Маркова – Светин или кто еще. Пусть милиция занимается выяснением.

– А что у него был за доклад? На какую тему?

– О, это была очень щекотливая тема. Но я вам скажу. Думаю, не стоит таить правду от общественности, тем более что не сегодня-завтра она все равно всплывет на поверхность. В общем, расклад такой. Есть у нас в Тарасове предприниматель, Леснин Андрей Владиславович, владелец завода, расположенного на берегу Волги, в Заводском районе города, и занимающегося изготовлением парфюмерных изделий. Знаете, всякой там ерунды для женщин – лака для ногтей, краски для волос, губной помады, румян и прочей дребедени. Предприятие называется «Леснин-Парфюм».

Так вот, отходы завода сбрасываются в Волгу. Официально они не представляют большой опасности и вредят экологии не больше, чем сток канализационных вод. Хотя и в последнем случае можно поспорить. Но Марков и Светин занимались изучением жизнедеятельности различных форм беспозвоночных организмов, обитающих в волжских водах близ Заводского района Тарасова. Светин занимался донными формами организмов – бентосом, а Марков – планктоном. И выяснилось, что численность многих беспозвоночных в Волге близ Заводского района тесно коррелирует с выбросами отходов производства фирмы «Леснин-Парфюм». Исследования, которые Марков и Светин проводили независимо друг от друга, показали наличие в клетках беспозвоночных смертельно ядовитых соединений, которые никак не утилизируются, разлагаются по нескольку лет и представляют опасность как для животного и растительного мира, так и для населения области...

– Чем грозило Леснину обнародование данных исследований?

– Леснину это грозило полным банкротством. Ведь если бы исследования были представлены общественности, они неизбежно бы привлекли внимание соответствующих структур власти. А уж те бы постарались на славу, подвергли бы все тщательной проверке. Им ведь только кость кинь, а возможности они не упустят. Можно на этом хорошенько нагреть руки, а если повезет, продвинуться в карьере. Завод Леснина непременно прикрыли бы, бизнес его пошел бы прахом.

– А что получили бы Марков и Светин за свои открытия?

– Если бы дело получило громкую огласку, то, несомненно, коллеги-ученые оценили бы их по достоинству... Слушайте, а почему это вас так интересует?

– Возможно, это была бы самая большая сенсация, которая могла случиться на конференции. Но, к сожалению, сенсация так и не состоялась...

– Ну-ка, покажите, что вы там записываете! – вдруг воскликнул редактор «Тарасовского вестника».

Я и моргнуть не успела, а Дмитриев уж вырвал у меня из рук блокнот. Единственное, что я туда записала помимо бесформенных каракулей – это название фирмы, владельца которой собирались обличать Игорь Сергеевич с отцом моего клиента, а также имя самого владельца фирмы. И сейчас главный редактор газеты «Тарасовский вестник» изучал мои заметки.

– Послушайте, это не ваше... – начала было я, но Алексей Григорьевич лишь триумфально усмехнулся.

– Ага, значит, никакие вы не журналисты. Что-то вынюхиваете! Ну-ка, ну-ка... Кто вас подослал?

Я протянула руку, пытаясь отобрать то, что принадлежит мне по праву, но Алексей Григорьевич, ухмыляясь, спрятал записную книжку, которая содержала в себе столько важных для меня телефонов.

– Отдайте мою записную книжку! – потребовала я возмущенно. – Она мне нужна, там много моего личного.

А Дмитриев тем временем жал на кнопку под столешницей, очевидно намереваясь вызвать охрану. Назревал конфликт, и мне это не нравилось.

Охрана не заставила себя долго ждать. Несколько минут спустя дверь отворилась, и в кабинет ворвались трое крепеньких парнишек в камуфляжных костюмах. Лица у всех троих мрачные и не предвещающие ничего хорошего, а на поясах – резиновые «демократизаторы».

– Вот эти люди выдают себя за журналистов, а на самом деле их подослали какие-то частные лица, – сообщил Алексей Григорьевич.

– Придется вам проследовать в милицию, – сообщил один из охранников.

– Не надо в милицию, – сказал Виктор Владимирович. – Евгения Максимовна, скажите им. Я оценю ваше слово по заслугам.

Я внимательно посмотрела на клиента. Затевать драку, когда таковой можно избежать, мне не хотелось. Впрочем, в милицию мне хотелось еще меньше.

Светин кивнул, уголки его губ чуть приподнялись кверху. Я догадалась, что таким образом он дает мне добро. Ну что ж, если он желает...

Внезапность – залог победы. Я прыгнула навстречу мужчине, стоявшему ко мне ближе других, ловко ухватила его за запястье и вывернула кисть так, что уже выхваченная им дубинка упала на паркет. Охранник, по всей вероятности, не ожидал такого, а потому растерялся, и я, воспользовавшись ситуацией, произвела бросок через бедро. Мужик с грохотом рухнул на пол. Вслед за этим я отняла записную книжку у Алексея Григорьевича. Тем временем в руках двух других амбалов тоже возникли резиновые палки.

– Позвольте нам уйти! – громко сказала я. – Мы не собирались причинять никому здесь вреда! Нам просто нужна была информация! Не стоит затевать разборки!

– Руки вверх! – упрямо прогнусавил охранник. Что поделаешь, работа у него такая. Семейство-то кушать просит.

– Послушайте! Вам действительно лучше опустить нас с миром!

Краем глаза я отметила, что брошенный мною на пол человек поднимается на ноги, да и на двух других мои реплики не произвели особого впечатления.

И пусть на вид я барышня слабая и беззащитная, но тут мое тело на миг превратилось в сжатую до предела пружину, а в следующий миг она распрямилась. При помощи приема под названием «вертушка» я сшибла с ног обоих охранников с дубинками. Одному удар пришелся по виску, другому по челюсти. Оба противника одновременно прилегли на пол.

Но тот, кого я свалила в самом начале, попытался совершить бросок в мою сторону. Моей реакцией был «удар льва» – ногой назад. В итоге подошва моего ботинка впечаталась в нос этого типа, словно в свежую сочную сливу, несколько секунд назад упавшую на землю с дерева. Только тут я обратила внимание, что в течение всей потасовки Алексей Григорьевич истерично визжал, парадоксальным образом навевая мысли о женской неуравновешенности.

Не давая охранникам и Дмитриеву опомниться, я схватила клиента за руку и кинулась к двери. Вызывать лифт времени не было, в такой ситуации это чудо техники может понадобиться только законченному идиоту, и я бросилась к лестнице. Понеслась по ней с такой прытью, словно старалась перепрыгивать через лестничные пролеты. Виктора Владимировича я волокла за собой, словно котенок – консервную банку, привязанную к хвосту. Дышала я часто-часто. «А ведь вляпались из-за пустяка! – с досадой думала я. – И еще... Лучше бы мы с этими охранниками не спорили!»

Когда мы очутились в вестибюле, вахтерша, увидев нас, замерла, как соляной столп. Бабулька на этот раз не собиралась допытываться, кто мы такие, да что нам надо, и выяснять прочие обстоятельства, заставившие нас здесь появиться. Уверена, в тот момент она готова была беспрепятственно пропустить нас куда угодно и даже заплатить нам за это, лишь бы никогда более не созерцать наши физиономии.

Однако приключение наше еще не окончилось. Справа от нас находился коридор, поворачивающий куда-то назад. Вот оттуда и выскочили двое охранников. Причем совсем не те, с кем я до того имела честь сойтись в сражении. Что касается тех трех, то они спускаться не спешили. Что, собственно, неудивительно, учитывая телесные повреждения, которые я им нанесла. Но, быть может, именно они и вызвали подмогу. Времени задумываться над подобными вопросами у меня не было. Фактически мне сейчас предстояло решить великую философскую дилемму под названием «быть или не быть». И для начала я попробовала вновь взять внезапностью. Я жутко закричала, и охранники, чуть даже присев, шарахнулись в разные стороны. Это и помогло мне с достоинством выйти из ситуации. Не теряя ни секунды, я потащила клиента к дверям, на улицу, на свободу.

И вот мы вновь вдыхаем свежий воздух и бежим со всех ног к машине. Словно робот, я совершаю автоматические и точные движения. Вот открываю правую переднюю дверцу автомобиля и впихиваю внутрь Светина, вот открываю левую дверцу и забираюсь в машину сама. Поворачиваю ключ в замке зажигания, включаю передачу...

Все как во сне. В зеркало заднего обзора наблюдаю, как двери Дома журналистов открываются, и оттуда выбегают двое охранников. Жму на газ. Машина трогается с места. Единственная мысль в голове – только бы шины не прострелили. Иначе все это шоу было ни к чему. Хотя, в конце концов, не банк же эти ребята охраняют, так что скорее всего стрелять-то им не из чего.

Я вырулила за поворот, на одну из узких улочек, которых в Тарасове полно и в центре. Так, петляя, я старалась избежать столкновения с блюстителями правопорядка: ведь охранники могли сообразить, что к чему, и обратиться в милицию. Конечно, в итоге все в любом случае уладилось бы, у меня во властных структурах полно знакомых, но лишний раз использовать связи не хотелось.

Однако обошлось. Я завела машину в один из тупиковых дворов и попросила Светина помочь мне заменить липовые номера на настоящие. Когда все было готово, я успокоилась и повела автомобиль в сторону Московской, откуда намеревалась попасть на дорогу, ведущую в Ленинский район. Виктор Владимирович никак не мог успокоиться. Всю дорогу он тяжело дышал.

* * *

Дома мы переоделись, пообедали, и когда настала пора пить чай, я наконец заговорила с клиентом:

– Ну, Владимир Викторович, какими будут дальнейшие наши действия?

– По-моему, понятно: нам необходимо установить контакт с Лесниным. Возможно, стоит за ним и последить... Наверняка Маркова убили именно из-за доклада. Бизнес ведь – дело темное, Евгения Максимовна. Люди из-за денег мать родную растерзать готовы, не то что расправиться с каким-то там ученым, который пишет свои жалкие статьи или доклады.

– И вы думаете, охотится за вами именно человек Леснина?

– Ну а почему нет?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Мне кажется, Леснин – достаточно состоятельный человек, и приди ему в голову идея устранить вас как возможную помеху, он наверняка прибег бы к услугам профессионального киллера, а не того дилетанта, что у всех на виду околачивается в спортивной куртке возле вашего дома.

– А вы все-таки думаете, он дилетант?

– Конечно! Стал бы профессиональный киллер пытаться убрать человека дедовскими методами – с ножом в руке? Профессионал обязательно воспользовался бы снайперской винтовкой с мощным оптическим прицелом или еще чем-нибудь в таком роде. И на глаза бы он кому не надо не попадался. Засел бы где-нибудь на чердаке дома напротив, и... Если бы киллер был профессиональным, вы ко мне не обратились бы. Не успели бы просто. Киллер давно бы сделал свое дело и получил от заказчика свои денежки. Кроме того, профессиональный киллер предварительно тщательно изучает жизнь «клиента». И только потом действует. А уж о сестре вашей ему давно было бы известно. А так, похоже, он и не подозревает о ее существовании...

– Да-а... И тем не менее начнем мы именно с Леснина. На данный момент, мне кажется, – единственный ключ к разгадке.

– Можно начать с преподавателя, которого Степан Олегович обозначил как «икс», – возразила я.

– А, ерунда, – махнул рукой Светин. – Начинать надо с владельца завода. Вот только как найти к нему подход?

– Тут я могу вам помочь, – ответила я. – У меня есть друзья в милиции. Крупные, кстати, чины. У них я получу всю информацию, которую только возможно раздобыть об этом предпринимателе...

– Эх-х, – горько вздохнул Виктор Владимирович, – что бы я без вас, Евгения Максимовна, делал!

А в самом деле, что?

Глава 3

В тот же вечер я позвонила одному из самых близких своих знакомых из рядов сотрудников милиции – Евгению Басенкову. Изложила Жене суть проблемы, и он обещал все выяснить, попросив позвонить попозже, часов эдак в девять вечера.

Как мы и условились, в девять я отзвонилась, и была, признаюсь, слегка поражена некоторыми деталями информации, которую мне предоставил Женя.

Андрей Арсеньевич Леснин, за глаза в бизнес-тусовке называемый скромненько Эрмитажем – за немалые габариты, проживал в Кировском районе Тарасова, неподалеку от места, известного в народе как Стрелка. Проживал не один, а вместе со своим бульдогом Му-Му, попугаем Кешей и телохранителем Герасимом. Правда, смешно? И вообще Эрмитаж был известен в богемных кругах Тарасова как большой любитель животных. Басенков заметил кстати, что ему совершенно не верится, чтобы человек, обожающий животных, стал нарушать законы экологии. Правда, если посмотреть с другой стороны, то странно, что человек, у которого телохранителя зовут Герасим, назвал свою собачку Му-Му и при этом уверяет всех, что обожает животных. В общем, Басенков намекнул, что, возможно, Эрмитаж просто создал себе имидж любителя животных – ради того, чтобы иметь репутацию благодетеля на фоне своего отнюдь не благотворительного бизнеса.

Помимо всего прочего, Женя назвал домашний, мобильный и рабочий номера телефонов Андрея Арсеньевича, а также номера всех машин, в том числе и любимой – джипа «Чероки», выкрашенного в ядовито-желтый цвет. Я едва успевала записывать под диктовку Жени информацию, включающую адрес завода, фамилии и данные на ближайших партнеров и конкурентов Эрмитажа. Когда Женя закончил, я, с трудом приходя в себя от восхищения его расторопности, рассыпалась в благодарностях старому другу:

– Спасибо тебе, Женек! Молодец, что еще тут скажешь!

– Но это еще не все! – усмехнулся Басенков, и я ясно представила себе его довольное лицо. – Завтра в четыре господин Леснин намерен посетить богемное собрание Общества защиты животных. Там вы имеете шанс познакомиться с интересующей вас личностью. И еще со множеством других чудиков, к вашему расследованию отношения не имеющих, но от того не менее интересных. Вход свободный. Записывай адрес, тезка!

Записав, я повесила трубку и обратилась к Светину:

– Ну, Виктор Владимирович, приготовьтесь! Завтра мы отправляемся в Общество защиты животных!

– Что-то? – у Виктора Владимировича глаза на лоб полезли.

– В Общество защиты животных, – невозмутимо повторила я и улыбнулась. – Погодите, я вам все объясню.

И я объяснила. Естественно, клиент принял меня благодарить. Но я лишь усмехнулась и строго произнесла:

– Но все не так просто!

– А что такое?

– Вначале мы должны заехать к моей тетушке. Нам нужно переодеться подобающим образом, по-богемному, чтобы в Обществе защиты животных нас приняли за своих, а кроме того – снова сменить номера машины. Кто знает, что нас ожидает на этот раз. Но главное в том, что если мы заедем к тетушке, то сможем великолепно пообедать!

Я лукаво подмигнула Виктору Владимировичу. На лице последнего отразилась непередаваемая гримаса предвкушения. Казалось, еще немного, и он заурчит.

* * *

У тетушки мы были в одиннадцать утра.

Она как раз запекала в духовке курицу с майонезом. Сказала, что готовит по индийской методике, то есть с дымком. И действительно, в квартире было не продохнуть от дыма, валящего из щели под кухонной дверью. Тем не менее пахло вкусно. В качестве гарнира тетушка жарила картошку и нарезала салат из свежих помидоров и огурцов.

Пока я возилась с автомобильными номерами, Виктор Владимирович с удовольствием согласился стать собеседником тетушки Милы. Кстати, потом, когда вся эта история закончится, она еще не раз упомянет в разговоре, что никогда не встречала столь обаятельного и интересного человека, как Виктор Владимирович Светин, который к тому же прекрасно разбирается в кулинарии.

В тот день Светин произвел на тетушку такое впечатление, что она даже не стала ворчать по поводу маскарада, который обычно вызывает в ее сердце чувство крайнего неудовольствия. А маскарад я задумала устроить более чем забавный. Благо в гардеробе у меня имелись шмотки и на тот случай жизни, когда придется общаться с богемой.

Себе я выбрала серебристое платье с глубоким декольте, на шею повесила кулончик в виде черепахи, панцирь которой был изготовлен из ракушки каури. На голову нацепила парик, делавший меня похожей на профессиональную гейшу.

Для Виктора Владимировича я подобрала и вовсе забавный наряд. В одном из шкафчиков я отыскала мужскую сорочку голубого цвета, изрисованную презабавнейшими мишками. Мишки собирали грибы в корзинки, забирались на сосенки, играли с лягушками, рыбками и божьими коровками. Я подумала, что Светин в подобном наряде будет выглядеть по меньшей мере смешно, но зато впечатление на завсегдатаев тусовок Общества охраны животных должен произвести неизгладимое. Помимо этой рубашечки я предложила Светину облачиться в бордовый пиджак «нового русского» и нелепые оранжевые брюки. А довершал маскарадный костюм моего клиента знак пацифика – пусть видят, что Виктор Владимирович против всякого убийства.

Однако сразу заняться переодеванием Светина мне не удалось. Тетушка как раз закончила готовить, подала к столу тарелки с картошкой и салатом, оформленные как подобает – просто по-ресторанному! – а также большую тарелку с курицей. Ах, как слюнки-то у нас потекли от одного вида покрытой румяной корочкой и посыпанной перцем, словно пудрой, курочки!

В течение часа попытки обратить на себя внимание клиента оборачивались пустой тратой сил и времени. Куда более привлекательной ему на тот момент представлялась другая женщина – моя любимая тетушка Мила, автор всего этого кулинарного великолепия.

Наконец трапеза подошла к концу, и я вернула Виктора Владимировича, все еще находящегося под впечатлением, к реальности. Когда Светин переоделся и я подвела его к большому зеркалу, стоящему у одной из стен моей комнаты, произошло то, что в литературе называется «улыбка медленно сползала с его лица».

– Я похож на клоуна! – вскричал Светин. – Я не соглашусь в таком виде гулять по улицам!

– По улицам гулять и не надо, – возразила я. – Достаточно просто сесть в машину, доехать, пообщаться с людьми, которые, кстати, могут выглядеть ничуть не лучше вас, и уехать тихо-спокойно, разузнав все, что нужно, наметив план дальнейших действий.

– Но неужели нельзя обойтись без этого?!

– Можно, но нежелательно. Вы хотите добиться успеха?

– Хочу.

– Тогда должны меня слушаться. Если будете спорить, я найду еще кучу аргументов!

Я состроила на лице очаровательную улыбку. Очень уж мне хотелось вывести своего клиента в свет в таком смешном наряде. Может, женская стервозность разыграла, кто знает...

Виктор Владимирович сокрушенно покачал головой.

– Сдаюсь, – сказал он и поднял руки вверх. – Все! Сдаюсь!

* * *

Заседание Общества защиты животных должно было состояться в центральном тарасовском Доме культуры. Несмотря на обещанный Басенковым свободный вход, первыми личностями, на которые мы натолкнулись у крыльца ДК, были охранники в камуфляжной форме, вызвавшие у меня неприятные ассоциации с блюстителями порядка из Дома журналистов. Охранники окинули нас скептическим взглядом.

– Здесь состоится заседание Общества защиты животных? – важно спросила я, словно несла миссию спасения мира.

– Здесь, – усмехнулся охранник. – Будете беседовать на тему, как плохо есть мясо?

– А вы едите мясо? – вскричала я. – Как вы можете! Ведь эти садисты убивают живых существ! Что произошло бы, если бы кого-нибудь из вас превратили, скажем, в котлеты по-киевски?

– Идите, идите, – махнул рукой охранник. – Вам на второй этаж.

Когда мы уже находились в помещении и направлялись в сторону лестницы, до моего уха донеслось сказанное нам со Светиным вслед презрительное:

– Пр-р-ридурки!

Настроение мое поднялось. Такая реакция охранника означала, что играла я, исполняя новую роль, замечательно.

На втором этаже мы услышали смех и спокойную музыку. К нам подбежал мальчишка лет пятнадцати, с пушком, пробивающимся над верхней губой.

– Вы в Общество защиты животных? – спросил он.

– О да, именно туда.

– Тогда вам вон в тот зал...

Мы добрались до двери, на которую указал мальчишка, толкнули ее и вошли. В зале царили смех и воодушевление. Пестрая публика сновала по залу. «Тяжело в такой толчее будет отыскать господина Леснина», – подумала я.

Я заметила стулья, расставленные по периметру зала, у стен.

– Пойдемте, – сказала я Виктору Владимировичу, – присядем.

Мы выбрали себе стулья, занимающие выгодную позицию, с которой нам открывалась большая часть зала. Я решила для начала присмотреться к народу, соизволившему посетить заседание Общества охраны животных.

Прямо передо мной седовласая старушка, одетая так, словно обладает данными Памелы Андерсон, втолковывала какую-то чушь брюнету лет двадцати пяти, типаж которого совпадал то ли с образом жгучего испанского мачо, то ли с образом горячего кавказского парня.

– Дело в том, – говорила старушка, – что наукой доказано происхождение человека от животных. Представьте себе, наш пра-пра-пра, не знаю сколько раз прадед, был обезьяной, а пра-пра и так далее дед этой обезьяны был каким-то, как сейчас выражаются, низкоразвитым млекопитающим. Тем самым, от которых произошли лисы, волки, коровы, – короче, все животные, мясо которых мы сейчас употребляем в пищу, из меха которых шьем себе одежду и над которыми совершаем прочее насилие. Вот и получается, что мы уничтожаем наших сколько-то раз – юродных сестер и братьев, дядь, тетя, племянников и племянниц! Вы только подумайте!

– Тут главное не впасть в утопические рассуждения, – рассуждал мачо-кавказец. – Ведь млекопитающие произошли от пресмыкающихся, а они – от земноводных, а те – от рыб, ну

а последние – и вовсе от каких-то червяков. Выходит, скажем, вши – тоже в какой-то мере наши не знаю сколько раз – юродные дяди и тети. Не переживать же нам из-за судьбы какой-нибудь вши!

– А что! – живо отозвалась старушка. – Все мы твари божьи, и если бог создал вшей, значит, это для чего-то нужно. Так какое же мы право имеем покушаться на божье творение!

Я отвернулась. Разговор становился все более бессмысленным, но тут на подмостки перед нами вышел мужчина с озорными кручеными усами, во фраке, с галстуком-бабочкой. Наверное, на этом мероприятии он играл роль конферансье.

– Дамы и господа! – воззвал конферансье торжественным слащавым голосом. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы послушать выступления сотоварищей, озабоченных нелегкими судьбами братьев наших меньших. Так вот! Общество защиты животных существует уже двенадцать лет, и мы многого успели добиться. Мы провели ряд митингов против скотов, которые занимаются разведением, как они выражаются, скота на мясо. Выходили в прямой эфир известной тарасовской эф-эм-радиостанции с выступлением против использования в качестве одежды норковых, лисьих, песцовых и прочих шкур. Кроме того, мы давали интервью Центральному телевидению, в котором выражали мнение по поводу антигуманной, точнее – антиживотной пропаганды в литературе, кинофильмах, мультипликации и средствах массовой информации. Как видите, мы многое сделали для животного мира. И еще больше сделаем потом! А теперь, дамы и господа, прошу внимания! Сейчас я от имени председателя Общества защиты животных прошу вас внести посильный вклад в великое дело защиты братьев наших меньших от безжалостных, бессовестных и аморальных живодеров, людей, у которых просто отсутствует сердце. Сборы пожертвований осуществляются вот через этот ящик, – конферансье указал на черную коробку с покатой крышкой, в которой наверняка имелась узкая щель. – Завтра же о вас и вашей добродетели будет напечатано в газете «Тарасовская культура»! – поспешно добавил конферансье.

Люди потянулись к подмосткам. Опускали в ящик для сбора пожертвований денежные купюры. Конферансье кричал и брызгал слюной направо и налево:

– Не упустите свой шанс! В ваших силах спасти природу страны, наставить человечество на путь истинный, спасти мир и подать пример заблудшим душам, не подозревающим, что братья наши меньшие – такие же существа, как и мы, способные чувствовать и откликаться на проявления человеческой доброты! И о вашей добродетели обязательно узнают! О тех, у кого сердце за несчастных животных болит сильнее всего, будет напечатана целая статья в газете! Спешите помочь братьям нашим меньшим!

То, что происходило вокруг, вызывало у меня приступы тошноты. Просто в голове у меня не укладывалось, как это взрослые люди могут заниматься черт знает чем!

– Может быть, и нам какую бумажку кинуть для виду? – спросил у меня Виктор Владимирович.

Я пожала плечами.

– Как хотите. Но особо растрачиваться не рекомендую. Не вижу никакого толку, даже для дела. Попробуйте свернуть десятирублевую купюру так, чтобы никто не смог разглядеть достоинство. Потому что, похоже, здесь собрались одни одержимые, которые выбрасывают на ветер – именно так, на ветер! – немалые суммы.

– Пойдемте, Евгения Максимовна. Если уж играть свою роль, то играть до конца.

Светин выдал мне десятирублевую купюру, и мы проследовали к подмосткам. По очереди мы опустили свернутые бумажки в ящик. При этом я старалась улыбаться так, словно действительно спасала мир. Внезапно я услышала позади себя:

– А, Андрей Арсеньевич, здравствуйте! Как поживает ваш песик?

– Здравствуйте, здравствуйте, Сергей Павлович, – раздался в ответ сдавленный басовитый голос. – Му-Му чувствует себя прекрасно. Верный пес! Вчера Герасим попробовал со мной спорить, так Му-Му чуть не порвала ему глотку. Еле оттащить удалось!

Я медленно обернулась и увидела... человека невероятных размеров. Да что там! Невероятных – мягко сказано. Этот человек больше всего походил на огромный, неравномерно набитый мешок. Насчет того, чем именно набитый, тут мне сразу конкретные ассоциации в голову не приходили. У Леснина было красное потное лицо, щеки его тряслись, словно бульдожьих брыли. И я сразу представила себе, как должна выглядеть его Му-Му. Недаром ведь говорят, что хозяин и собака всегда похожи друг на друга! Описывая внешность Андрея Арсеньевича, в заключение хочу добавить, что из конгломерата жира, который полагалось воспринимать как человеческое лицо, нагло блестела пара черных и вьедливых свиных глазок. По правую руку от Эрмитажа стоял человек с имбецильным лицом. Он то и дело кивал. Герасим, что ли?

Эрмитаж важно прошествовал к ящику для сбора пожертвований. Дурковатый спутник не отставал от него ни на шаг. Это был телохранитель, уж их-то повадки я знаю! Значит, точно, – Герасим.

Эрмитаж демонстративно, так, чтобы как можно большее число присутствующих разглядело его щедрость, опустил в ящик столларовую купюру. После этого он отошел в сторонку и с самодовольным видом принялся наблюдать, какое количество финансов выделяют остальные любители животных. Во взгляде Леснина нетрудно было уловить откровенное презрение, относящееся ко всем присутствующим без исключения.

Я улучшила момент, когда Андрея Арсеньевича никто не отвлекал, и обратилась к нему с вопросом:

– Я слышала, вы большой любитель собак?

Эрмитаж медленно, как бы с неохотой повернулся ко мне.

Герасим насторожился, но я сделала невинное личико, и интерес телохранителя ко мне как к возможной опасности поулег. Зато зажегся другой интерес. Ох уж эти томные взгляды мужчин, обращенные на женщину!

Леснин, фальшиво улыбаясь, произнес:

– О да, обожаю собачек!

– А какой породы ваша собачка?

– Бульдог. Английский бульдог. У меня – сучка.

– Ой, а мне больше нравятся пудели. Скажите, а чем именно вас привлекают бульдоги?

Леснин посмотрел мне в глаза с таким видом, как будто у меня в кармане миллион, который я ему должна и который цинично не желаю отдавать.

– Бульдог – настоящая собака, с железной хваткой. Вцепится – не отпустит.

В этот момент и в Андрее Арсеньевиче проклюнулось что-то бульдожье. Я подумала, что и в бизнесе он, должно быть, как бульдог – вцепится и ни за что не отдаст.

– Я видела сумму, которую вы отдали как пожертвование. Вы, должно быть, очень любите животных!

На самом деле я пыталась выяснить, с каким человеком я имею дело, что он за личность, пресловутый Эрмитаж, искренен он или нет.

– О да, я очень люблю животных, – ответил Леснин, но гримаса на его лице отражала чувство глубокого отвращения.

В этот момент кто-то положил Андрею Арсеньевичу руку на плечо.

– А, Дмитрий Дмитриевич! – воскликнула гора сала и отвернулась от меня так, словно господин Эрмитаж не желал иметь со мной никакого дела.

Герасим улыбнулся мне, после чего ему вновь пришлось обратить все внимание на хозяина.

Я кивнула Светину и отвела его в сторону. Первое знакомство с Лесниным состоялось. Надо было думать, что делать дальше.

– Ну как? – поинтересовалась я у клиента. – Видели? Отвратительная личность!

– Да уж, любитель животных... Я думаю организовать за ним слежку.

– Считаете, это целесообразно?

– Ну а почему нет? Быть может, нам удастся уловить момент контакта Леснина с подозрительными личностями, которые замешаны в убийстве Игоря Сергеевича Маркова. Быть может, удастся выявить контакт с человеком, покушавшимся на мою жизнь. В любом случае, мы ничего не теряем.

– Как говорится, попытка – не пытка, – вздохнула я. – В таком случае нам следует потихоньку выбраться отсюда и занять позицию в машине. Когда объявится Эрмитаж и сядет в свой джип «Чероки», последуем за ним.

– Пойдемте! – шепнул Виктор Владимирович, и мы принялись протискиваться сквозь гомонящую толпу к выходу.

На улице мы забрались в нашу скромную «шестерку» и остались ждать. На город стремительно опускались сумерки.

Ждать пришлось больше часа. Я с тоской созерцала прохожих, беззаботно прогуливающих по улицам, не стесненных бременем работы. «Ничего, – думала я, – вот закончу дело, получу деньги и буду отдыхать, отдыхать, отдыхать...»

Наконец из дверей Дома культуры повалили люди. Представители тарасовской богемы улыбались, весело переговаривались друг с другом. Похоже, миссия по спасению фауны земного шара была завершена.

Я сосредоточенно всматривалась в толпу, надеясь не пропустить выход Андрея Арсеньевича Леснина.

Наконец появился и он. Вид его был весел и разгорячен.

Понаблюдав немного за будущим объектом нашей слежки, я догадалась, что он пьян. Эрмитаж, оживленно жестикулируя, втолковывал что-то молоденькой пухленькой женщине лет тридцати. По всей вероятности, старался проявить мужское обаяние.

В итоге Леснин потерпел неудачу. Дамочка кокетливо повертелась перед ним, несколько раз смущенно улыбнулась, помахала ручкой и зашагала прочь. Губы Андрея Арсеньевича скривились от злости. Он что-то сказал Герасиму, и тот отчаянно закивал. Далее эта парочка направилась к ядовито-желтому джипу. Я вставила ключ в замок зажигания и приготовилась.

Полминуты спустя джип тронулся с места. Пропустив его метров на пятьдесят вперед, я также стартовала. Вскоре я ненавязчиво сидела на хвосте у злого нарушителя экологии, маскирующегося под большого любителя братьев наших меньших.

Джип Леснина свернул на проспект Ленина. Это показалось мне очень удобным, так как данная улица – весьма оживленная, именно через нее в конечном итоге лежат дороги на основные районы Тарасова. Можно следить открыто, не боясь, что заметят.

Сначала все шло, как и предполагалось. Леснин вырулил на проспект 50-летия Октября, и я полагала, что скоро мы будем на Стрелке, то есть что Эрмитаж направляется к себе домой. Однако мы миновали Стрелку и последовали дальше, в сторону аэропорта. А вскоре подъезжали к выезду из города, к Сокурскому тракту.

Километров пять мы следовали по трассе. Подобное поведение Андрея Арсеньевича казалось мне странным и вместе с темстораживающим. Быть может, он едет на какую-то встречу, где будут обговариваться темные дела? Или на дачу, где у Леснина нечто вроде конспиративной квартиры?

Для меня явилось полной неожиданностью, когда со стороны джипа Эрмитажа прогремел первый выстрел. Первым рефлексом, который проснулся во мне на это действие, был крик, адресованный Виктору Владимировичу:

– Ложитесь!

Далее я сообразила, что к чему. Видимо, телохранитель Андрея Арсеньевича на самом деле не такой дурак, как мне показалось вначале. Каким-то образом ему удалось вычислить нас, то, что мы сели «Чероки» на хвост. И теперь Герасим решил нас проучить. Эх, моя самоуверенность! Надо же было вляпаться в такую переделку!

Я выхватила пистолет из кобуры и произвела ответный выстрел. Джип ловко увернулся, и следующая пуля пронеслась прямо над головой моего клиента, благо он продолжал сидеть в согнутом положении. В лобовом стекле появилась аккуратная дырочка, от которой протянулась во все стороны целая сеть трещин. Но вот рядом с первой дыркой появилась еще одна, и я поняла, что нужно действовать незамедлительно. Я прицелилась и попала точно. А целью моей являлась правая передняя шина джипа нарушителя экологии.

Джип резко вильнул в сторону. Я услышала скрип тормозов. Не теряя времени, я продырявила вторую переднюю шину. Я увидела, как из ветрового окошка джипа высунулось дуло пистолета, и пригнулась. И слава богу! На этот раз пуля угодила в правую сторону нашего ветрового стекла.

А джип катился в кювет. Я хотела развернуть машину и устремиться назад, от греха подальше, но не тут-то было. Со стороны автомобиля Леснина вновь грянули выстрелы, приведшие наши задние шины в нефункциональное состояние. Я отчаянно попыталась вырулить, но... и наша многострадальная «шестерка» покатила в кювет вслед за джипом.

Отвечая на выстрелы, мне удалось-таки проделать в корпусе иномарки пару дырочек. Кроме того, я позаботилась и о том, чтобы лобовое стекло джипа оказалось столь же удачно изуродовано, сколь и наше.

Вскоре обе машины замерли. Я выскочила наружу, приказав Светину оставаться на месте. Выскочил наружу и Герасим. В тот же миг он направил дуло пистолета на меня, яростно нажал на курок несколько раз и опустил пистолет. Выстрелов не было. Очень своевременно кончились патроны в обойме. Теперь он находился полностью в моей власти.

Я победно улыбнулась и направилась к Герасиму.

– Ну, Герасим, теперь ты объяснишь мне, зачем испортил «шестерку» моего клиента? – спросила я. – Он ведь не настолько богат, как твой хозяин, чтобы менять автомобили, словно перчатки или носки!

Герасим молчал. Физиономия его выражала черную лютую ненависть.

– Ну! Ну! – подбодрила я, понимая, что непроизвольно выгляжу сейчас чересчур наглой. – А где наш господин Леснин? Пусть вылезает!

Тем временем Виктор Владимирович все-таки выбрался из машины. Он шагал ко мне.

– Все в порядке, Евгения?

– О, да! У меня все. А вот любитель бульдогов что-то струсил. Где его хваленая стальная хватка?

Из джипа донеслась многоэтажная матерная тирада. Такая, что я не рискну ее воспроизводить, даже сокращая слова при помощи точек. Вслед за этим появился и сам автор великолепных словосочетаний. Глаза его метали молнии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.